



^ Питер Брейгель. Вавилонская башня. 1563, Вена

Эссе посвящено феномену башни – одному из наиболее распространенных, но и загадочных типов зданий и сооружений. Башни известны буквально всем народам и всем эпохам... Но известны ли в самом деле? Может, башни лишь позволяют их использовать? Чем мы обязаны башням и почему так любим их? Эти и другие вопросы обсуждаются в эссе.

Ключевые слова: страх; мужество и надежда в архитектуре; башня; феноменология архитектуры; образ и смысл в архитектуре. /

The essay is devoted to the tower phenomenon. It is one of the most popular, but also the most mysterious types of buildings and structures. Towers are well-known throughout all nations and all epochs... But are they really known? Maybe towers just permit us to use them? What do we owe to them and why do we love them so much? These and other questions are discussed in the essay. Keywords: fear; courage and hope in architecture; tower; phenomenology of architecture; image and meaning in architecture.

Башня / The Tower

текст

Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Башня, пожалуй, самая универсальная архитектурная форма. Башни то стягиваются до обелиска, то раздаются до бастиона. Башни – это и донжоны, и стрельницы, и вышки, и маяки, и каланчи, и колокольни, и минареты... Это обсерватории и зенитные башни, «ранние небоскребы» и сталинские высотки, сверкающие высокотехнологичным стеклом отели и старые кирпичные заводские трубы. Их формы разнообразны, а функции неисчислимы. Башнями может быть названа и поля баранка Кутафьей, и кружевная Эйфелева мачта, и плотная, как небольшой город, Сухарева. Башня, похоже, – это не особенность формы, не область возможных выполняемых задач, не тип даже, скорее – звание, присваиваемое за те или иные заслуги. Иногда посмертно: два покойника WTC стали башнями, лишь исчезнув. «Две башни» Толкиена не случайно так срезонировали с событием 11.09.2001 – башня довольно смертный объект, постройка, никогда не свободная от образов смерти, катастрофы, страха.

На страже

Башни устрашают. Они, собственно, для этого изобретены и построены, это – одна из их миссий. Башни призваны не столько обеспечивать защиту обороняющихся в них (что позволяет возвести их генезис к деревьям, издревле дававшим спасение людям от наземных нападений агрессивного мира¹), сколько сообщать нападавшим о тщетности их усилий. Но усилия такого рода не всегда тщетны: искусство брать башни и города штурмом или осадой развивалось параллельно с совершенствованием оборонительных сооружений. Впрочем, Эжен Виолле-де-Дюк замечает между делом: «Искусство фортификации часто развивается в народе пропорционально степени развала военного искусства на поле боя» [1].

Башни страшны: осада донжона с сюзереном, его семьей и свитой – отнюдь не романтическая история из жизни рыцарей и прекрасных дам. Можно предположить, что основой эстетизации башен стала инверсия страшного, страха в рамках артикулированных форм владения и, тем самым, гарантии безопасности – так мы любимся красотой оружия, несмотря на его способность убивать.

Да, Башня – оружейный тип архитектуры *par excellence*. Сколько бы ни были светлы и миролюбивы иные башни, воевать – так или иначе – приходится и им. Но не всегда их война видна.

Башни в плане (хочется сказать в их случае – в сечении, но ведь план и есть горизонтальное сечение, срез) бывают чаще всего круглые и прямоугольные. Энциклопедический тон, в который мы здесь впадаем, оправдан, поскольку различие существенно и типично. «Круглые» хороши как отдельно стоящие, они на все стороны равны, все в равной мере видят и отовсюду выглядят узнаваемо. Это ориентиры и маяки. Они не провоцируют фантазии достройки их (например, стенами), как провоцируют прямоугольные планы. К ним не подберешься с угла (Виолле-де-Дюк упоминает о действительности такого приема). Но «круглые» башни, пожалуй, уступают прямоугольным в силе утверждения присутствия, в способности создавать Место. Они хуже «цепляются» за свой контекст, лучше обтекаются всеми потоками, в т. ч. и смысловыми, а также ядрами и камнями из катапульта. Но они лучше охраняют доверенное им место, благодаря неполному в нем присутствию, меньшей уязвимости, способности скрыться. Круглой форме, разумеется, ничего заранее не запрещено, но, когда вы берете в качестве якоря шар, надо быть готовым к тому, что он может укатиться. Тем более, когда шар отполирован (аналогом чего в архитектуре можно считать стекло, зеркало и белый цвет). Такие качества требуют дополнительных усилий для удержания на месте, и, если соответственные меры не заложены в форме, то усилие приходится на глаз и восприятие. Можно бы вовсе отказать идеальным «круглым» и белоснежным башням в уместности. (Таковой, например, была бы Пизанская (да еще и с ярусами аркад!), не помоги ей «падение»). Можно, если бы не парадоксы знаков (а Башня – сильный знак, символ), которые, как нередко случается, проявляет игра слов: у – местность парадоксально синонимична у – топии. Утопическими белые или зеркальные круглые башни, разумеется, тоже назвать трудно: утопия не есть область столь простых решений, в нее непросто попасть. И еще труднее выйти, вынеся ценное. Вот так, на полпути от утопии к месту, они и обретаются; там их пост.

1. Башня – архитектор, нет – «менгир с глазами» (так говорил Малевич о продукции своих последователей-архитекторов). Измыслить такое могло лишь сильно ангажированное вертикализмом воображение. Т. е. такое, для которого спасение – в залезании наверх и огрызании сверху. Но не в беге, не в удержании фронта, не в контратаке. Башня, как никакая иная архитектурная форма, разоблачает наше конкретно-звериное, видовое – обезьянье – нутро; оттого мы так любим башни, хотя и несколько стесняемся этой любви. Но мы смогли приспособить башни и к дозору на границе, и к стоянию во фронт, в кремле; и даже, приделав колеса, к атакам на другие стены и башни. И тем самым, видимо, смогли немного изменить и свою природу



^ Башенный комплекс Вовнушки. XIV в., Ингушетия



^ Сторожевая башня в Ицари. XIV в., Дагестан

2. В русском варианте «Города желтого дьявола»: «Квадратные, лишённые желания быть красивыми, тупые, тяжёлые здания поднимаются вверх угрюмо и скучно».

Большинство башен, поставленных в горах и коннотирующих дозор, все же имеет угловатые планы. Тем самым они «вырастают» из окружающего скального ландшафта и гомогенны ему. И, видимо, они хорошо представляют себе, в какие стороны должны смотреть, а какие не представляют угрозы их молчаливому стоянию в ожидании. Чего ждут они? Мудрецы предупреждают: у Майтрейи много башен и явлений стражи горной. Такую стражу не интересуют наши мелкие человеческие намерения; она прозревает пути идей. И почему башням, в самом деле, не сторожить токи идеальных смыслов, не контролировать контрабанду значений из сфер горного – в мир дольний? Ведь сквозь их частую расстановку (топику) все равно легко пройдет все живое, не отслеженное всегда отсутствующими наблюдателями, не отстрелянное их заложённых – уже при строительстве – бойниц...

Светотень Истины

Башнями печали и мрака («tower is gloomily and drearily»²) назвал Максим Горький небоскребы Нью-Йорка в 1906 году. Горький редко бывал точен в своих эпитетах, но тут попал. Печаль и мрак – невыветриваемые качества средневековых башен, пусть даже их сегодня используют под шоу-румы, магазины сувениров и пр. Но это также и качества их наследников, в т. ч. и «всех в белом», блестящих элегантной формой и функционирующих как нельзя более гламурно. В последнем случае скука изгоняется более-менее эффективно (впрочем, печаль и скука – чувства субъективные), а мрак уходит с глаз в какие-то иные измерения. Но он всегда рядом, всегда готов вырваться наружу, ибо башни не только защищают от зла, но и привлекают его – это выдающиеся аттракторы всякого недоброжелательства.

Башни хранят время, будь то срок заключения или часовой механизм: «часовые» – это не разновидность башен с циферблатом, это характер всего их семейства. Ведь время – универсальный ресурс; контроль над ним позволяет регулировать всякую деятельность, вплоть до полного пресечения оной. Башня – архитектурное «развитие» стойки, здание-стойка, наследница менгиров по прямой. Прямая стойка часового неизменна во времени, будь это смена дня и ночи, света и тьмы, добра или зла. Не часовому решать, кто прав, кто виноват:

v Каменецкая башня. 1271–1288, Каменец, Белоруссия





^ Симеон Столпник.
Русская икона. 1465

он сторожит, в надежности этого занятия его правда. Не случайно башни издревле служили тюрьмами и служили исправно: немецкое *Turm* (башня, вышка и пр.) дало имя пенитенциарным учреждениям. Восточно-европейское и славянское слово «вежа», согласно Брокгаузу и Ефрону, также означало и башню, и место заключения, и само лишение свободы: по литовско-польскому праву «верхняя вежа» – осуждение за гражданское правонарушение, а «нижняя вежа» – за уголовное, влекущее заточение в подземелье. Но «вежа» – это еще и знающий, образованный, ведающий, посвященный, тот, кто хранит нечто важное где-то глубоко внутри.

Поэтому все башни – сторожевые. У них нет иного выбора: если не стоять на страже, то уж точно всегда быть настороже. А кому они могли бы доверить такую миссию: ведь не вальяжным куполам, не легкомысленным аркадам, не вечно дремлющим мостам, не слепым и глухим стенам...

Хотя некоторые башни, в силу малого поперечного размера, внутри довольно светлы, как Невьянская башня Демидовых, сгустившийся в них за века сумрак не изгоняется солнечным светом, как не изгоняется и его виртуальный морок в вертикальных аквариумах Миса и его многочисленных последователей. «Насквозь просолнеченными» назвал Е. Замятин эти стеклянные призмы, но он же и показал их жуткий экзистенциальный мрак задолго до всемирного распространения модернистской моды³.

«Правильная» башня все же должна быть темной, если не черной (черный – не архитектурный цвет, или, по П. Мондриану, вообще не цвет), то темно-темно-коричневой, как башни Праги. Камень, старея, дает такой тон. Беленая башня подобна деревянной «красотке» со свекольными щеками; но сегодня – из старых – впечатляют и такие. На фоне зеленых лугов, лесов, сини неба и озер, белые башни, вроде той же Невьянской, или Пизанской, сверкают уже как бриллианты – прости Господи – духа. Ведь память и формируемые ею паттерны неприязнительны, увы; много же не надо тем, кто сам обманываться рад. А башни народом любимы.

Откуда и как произошел культ Башни в культуре? Помимо наследования менгиру, помимо мифологемы Вавилонской башни и помимо средневековой оборонительной инверсии, есть еще один сильный источник – подвиг столпничества. Потребность подняться над миром дольним ради обретения откровений истины приобретает в столпах святых если не архитектурное, то пространственное воплощение, конкретность топоса; стояние пред Господом – зримость духовного делания; безбрежное – концентрацию в локусе. «Премудрость созда себе дом и утверди столпов семь, закла своя жертвенная... [Притч. 9:1]», – цитирует П. Флоренский «Книгу Притчей Соломоновых» в своем «Столпе и утверждении Истины». Здесь столп упомянут многожды: как престол Богородицы, как символ Софии (Премудрости), как мост меж Землею и Небом...

Башня есть институт истинствования. Добровольное посвящение себя служению или насильственное заточение за веру, созерцание дали пространств и времен с верхней площадки или прозрение истины в подземелье ее – башня вся, целиком служит сбережению и кристаллизации сокровенного, сколь бы тяжким ни был сей труд. С башен сходит тлен столпнический и наставления святых, провозглашаются указы королей, читаются муэдзинами молитвы, прыгивают вниз мечтатели – с голубиными крыльями и без оных. Башни смертны и жертвенны; уже этим оплачена их правда.

Истина башен не предлагается к досужему рассмотрению как истины утопий, не излагается бесстрастно и отчужденно как энциклопедический факт; она утверждает – весомо и основательно. Башни не говорят намеками (как делают это колоннады и аркады), не строят иллюзий (как строят их мосты) и не прибегают к языку аллегорий (как обелиски, сады и своды). Миссия утверждения, будь то учреждение учения или глашатайство о важном, для башен органична; даже ПРОУНЫ Лазаря Лисицкого (напомним: «Проекты Утверждения Нового») не обоглились без небоскреба, хотя бы и «горизонтального». Если вам надо что-либо утвердить – стройте башню.

Мужское и женское

«Башня из слоновой кости» – библейский образ; так названа женская шея в «Песни Песней Соломона», чем подчеркнута белизна и стройность. Отчего же этот пронзительный образ трансмутировал в одиозное определение ограниченности и надменной замкнутости? Не от обычного ли комплекса мужской неполноценности, срывающей свои любовные поражения на репутациях литературных героев, на понятиях и категориях? Так,

> Пороховая башня.
XV в., Прага



З. Л. Мис ван дер Роз разрабатывает свой первый концептуальный проект полностью стеклянного жилого небоскреба в те же годы, когда Е. Замятин в романе «Мы» описывает тоталитарное общество, обитающее в таких домах, и дает уничтожительную критику антигуманной «организации пространства», основанной на прозрачности и контроле, – в 1920–21 гг.

Татьяну Ларину предлагают уже считать неудачницей, принужденной расплачиваться за однажды проявленную холодность. Недоступность – вот что должно читаться в «башне из слоновой кости». Ну что же, нормальное качество приличной башни и приличной барышни.

Башни, в самом деле, довольно женственны. И это отнюдь не сентиментальная нежность или округлость форм. Даже суровые донжоны, побитые вражескими ядрами, со всей своей несомненной мужественностью и при всей – тривиальной уже – фалличности, слишком сложны, глубоко, субстанциальны, изначальны, чтобы сигнифицировать мужчину; ведь и женщины бывают мужественны, не теряя при этом женственности. Согласно гипотезе Ж. Бодрийяра, «женское вообще есть единственный пол, а мужское существует лишь благодаря сверхчеловеческому усилию в попытке оторваться от него» («Соблазн»)⁴ [2]. В башнях мы видим и эту отчаянную попытку, и ее закономерный провал: «...истощение и ослабление половой маркировки, причем не только исторически памятной марки мужского, крепившей некогда все схемы эректильности, вертикальности, роста, происхождения, производства и т. п., а ныне бесследно изгладившейся в хаосе навязчивой симуляции всех этих тем, – но и метки женственности, во все времена запечатлявшей соблазн и оболщание» (там же). Башни, как никакие другие архитектурные типы, способны освободить нас от наивного «фрейдизма».

Башня – Воительница, Берегиня (так Николай Константинович Рерих называл свою Елену Ивановну). В ней наличествует инкарнация Матери (быть может, присматривающей за детинцем – местом строительной жертвы младенцами?). Мрачность образов не должна пугать (пусть она пугает врагов!), ведь башня – очень серьезное дело. Оттого столь нелепы пресловутые «башенки» нуворишеских жилищ, легкомысленные и (якобы) свободные от смертных забот. Нелепы, но и милы, конечно, – как дети; нужны, тем самым, и они.

Башня в веках Истории – это стилет последнего шанса для Города или двора, семейства. Она удобна только для того, чтобы из нее отстреливаться. Все иные «функции» башня выполняет неохотно, в тесноте и со скрипом. Однако же башни – самый, пожалуй, многофункциональный архитектурный тип. Чем только не служат башни, несмотря на полную их к тому непригодность! Такова и Невьянская башня – символ и действительная постройка промышленной революции на Урале. Символ и феномен настолько сильны, что вытесняют из сознания всякие утилитарные соображения.

Большая часть башен по всему миру совершенно загадочны (что также относит их в сферу женского). Таковы многочисленные башни поселений Северного Кавказа, Тибета, Китая (Сычуань), американских индейцев. Их оборонительное назначение номинально и не подтверждается даже мало-мальски критичным военно-историческим анализом. Жилого назначения они никогда не имели. Веками они стоят пустыми и, кажется, для самой пустоты в них и возведены: это не фаллос, скорее чрево. Функционализм пристыженно отступает от таких башен: повержен оказывается он, а не отсутствующие под их стенами враги.

О таких башнях говорят, за неимением лучшего объяснения, что это – лестницы на небо. Каждая семья, род или клан, якобы, стремились иметь такую, и выше, чем у соседей. Этим объясняются и башни Болоньи (La torre Asinelli имеет высоту 97,2 м – какая уж тут оборона!), Сан Джиминьяно, сел горного Кавказа и др. Но что делать с башнями – а их немало – построенными в каменных нишах и упирающихся вершинами в скалу?! И горы: они же всегда выше жалких человеческих построек, всегда ближе к небу...



< Невьянская башня.
1721–1725, Невьянск

4. «Стоит мужчине хоть на миг зазеваться – и он вновь отброшен к женскому», – добавляет Бодрийяр там же



^ Бродвейская башня. 1794, Вустершир, Англия

v Кампанила собора Святого Марка. 1514, Венеция



Странное дело: трансцендентализм не объясняет смысл и происхождение многих башен (собственно религиозный трансцендентализм строг лишь для колоколен, минаретов и пагод). Не объясняет, но не покидает их совсем. Он, скорее, приобретает иные формы, привычно осуществляясь в ритуалах и обрядах. А последние традиционно оформляют циклы жизни и смерти: зачатие, рождение, инициацию, похороны. Возможно, этим циклам и посвящены башни, назначения которых забыты. Отголоски обрядности еще доходят до нас в виде преданий (так, говорят, в башнях уединялись супруги для продолжения рода, в башни уходили старики: поднимались на «небесные похороны»).

Проектный смысл притчи о Вавилонской башне

«Лестница на Небо» (а также ее поздний и порядком дискредитированный симулякр, названный сквозь зубы М. Горьким «скребницей неба») – тема, в которой трудно умолчать о Вавилонской башне. Умолчать трудно, но мы попробуем. Вавилонская башня требует отдельного текста, и не одного. И уж если о ней писать, то сомасштабно ее предприятию. Но, по сути, она получила уже свои тексты, и сполна – все, написанное на всех языках, есть тексты о ней. С каждого языка, с каждого слова она берет свою символическую дань, и символ здесь – не метафора.

Отметим лишь кое-что, существенное в рамках нашего предмета и интереса. С точки зрения исторической фактографии Мигдаль Бавель – не башня, но пирамида. Зиккураты Междуречья никак не удовлетворяют минимальному требованию для пропуска в типологию башен: их основания едва ли не превосходят их высоты. Если предположить, что Вавилонская как раз тем и отличалась, что резко нарушала эту пропорцию в пользу высоты (чем можно было бы объяснить ее строительную неудачу при том же материале кирпича и глины), то притча должна была бы быть не о языках и не о сложности замысла, а о негодности субстанций и ошибках в выборе их; или уж о различии подходов к малому и большому (или, если угодно, – к большому и очень большому). Тема покушения на Небо и наказанной гордыни при этом прекрасно бы сохранилась! Разумеется, тогда это была бы история строительная, а не лингвистическая, что заставляет подозревать первичность задачи объяснения множественности языков, для решения которой строительная байка была лишь удачно привлечена. Но зиккурат Этеменанки – наиболее вероятный прообраз легендарной башни – хоть и был выше прочих, но ничем другим из ряда не выделялся и принцип не нарушал. Так что история Вавилонской башни (Быт. 11:1-9) явно не об этом.

Важно как раз противоположное: отказ ставить Вавилонскую башню в один ряд с зиккуратами Месопотамии, возведение которых не было проблемой ни техники, ни организации труда, ни коммуникации строителей. Мифологическая же Вавилонская башня одинока и изрядна: она одна, ибо возведение ее не опиралось ни на прототип, ни на традицию или опыт. Библия сообщает о ней так, будто бы решение о ее возведении возникло на «пустом месте» и было чистой авантюрой. Библия полностью игнорирует всю практику зиккуратостроительства, что, как надо понимать нам, помнящим о ее существовании, должно указывать на беспрецедентный эксперимент. И это уже несомненно башня, а не пирамида, поскольку все достоинства и все грехи Башни здесь налицо.

Оттого и потребовалась постоянная, активная и содержательная (!) коммуникация, проговаривание каждой производственной операции, неумолчный говор, гул голосов – столпотворение. Для нас наиболее значимым в этой общеизвестной истории из Книги Бытия является то, что успех предприятия поставлен в зависимость

от коммуникации строителей. Это уникально и знаменательно: ведь воспроизводство сакрального прототипа вообще не требует разговоров (а нередко и прямо запрещает их!). На это никогда не обращали внимания исследователи, даже историки архитектуры⁵, но это представляется ключевым: прекращенные свыше разговоры, для чего они вообще были бы нужны?! О чем говорить, когда все действия отработаны веками и узаконены канонами цеха и жреческого клана? Традиционная стройка, как и любое другое ремесленное производство (тем более – ремесленно-жреческое), проходит в сосредоточенном молчании, молитве и сопровождается обменом сигналами, не всегда вербальными. Молчание – это доблесть цеха. У ремесленника все уже есть, все свое он носит с собой; он сам, его дело и его средства неразличимы. Знаки ремесла эту целостность, это единство деятельности закрепляют и держат. Но когда отсутствие средства трансляции замысла, обсуждения идей и принятия решений становится проблемой, останавливающей стройку, перед нами впервые и во весь рост встает ситуация семиотического разрыва в структуре деятельности. И пусть бы повод для библейской притчи был придуман, заимствован или основан на недоразумении (принятии недостроенной башни за разрушенную), зияние разрыва проявилось и уже не утратит своей власти над воображением.

Притча, ясное дело, трактует произошедшее в терминах богобоязни и гордыни, наказания и уничтожения, обиды и воздаяния, но она называет ключевое слово – язык. Неудача какого-то грандиозного начинания, в котором были уже недействительны типические (прототипические) скрепы зодческого ремесла, где потребовалось новое семиотическое средство удержания в мысли нетривиального замысла и адекватной передачи его на все уровни исполнения с одновременным обеспечением их взаимодействия и координации, – средства, которого трагически не было, не оказалось – эта история легла в качестве материала в притчу о Вавилонской башне со всеми ее богословскими нравоучительными и лингвистическими объяснительными денотациями.

Неудача – повод для притчи; какое-то событие действительно должно было быть (или, по известному афоризму, его надо было выдумать – настолько оно важно), поскольку в структуре самого ремесла разрыв, приводящий к его кризису, возникнуть не может. Ремесло есть абсолютная антитеза самоубийственному риску (т. е., собственно, творчеству), в нем не только невозможен невыполнимый замысел, выходящий за пределы канона, он просто немислим (его невозможно помыслить, не удастся)⁶: согласно Пармениду, он – небытие, которого нет.

Утрата единого праязыка, наверное, катастрофа, но ее развертывание – вопрос столетий, вопрос долгого выхода из ветхого мира. Однако отсутствие языка осознания и трансляции непрототипического замысла уже само тормозит развитие на многие столетия; это проблема входа в новый зон. Перед нами, видимо, первая фиксация проблематики проектирования (если угодно – проектирования без прототипов); еще грядущей, а не архаической, как могло бы показаться, в каком-то смысле – вечной, архетипической проблематики.

Место и его отсутствие

Где может стоять башня? Где угодно! В центре города, на его границе в окружении крепостных стен, одиноко в поле, в горах, в песках... Нельзя сказать, что башне не важен контекст: башня всякий раз уместна как раз потому, что она и создает место. А искусствоведы могут спокойно допустить, что всякий контекст «снимается» в ее форме.

> Башни Азинелли и Гаризенда. XII в., Болонья



> Башня Геркулеса – действующий древнеримский маяк. Ла-Корунья, Испания

> Ливен Крэйл (Lievev Cruyt). Перспектива Вавилонской башни. 1634–1720



5. Так, Л. Мамфорд, предлагая понятие мегамшины (в частности – на примере анализа возведения египетских пирамид), упоминает в качестве ее связующих начал, ее социально-психологических и семиотических скреп «... религиозную экзальтацию, магическую абракадабру и царский приказ» («Миф машины»).

6. Как и во всей цивилизации традиционного или архаического типа, централизованной на ремесло не только и даже не столько как на единственно известный способ производства, сколько как на универсальную модель мышления и деятельности вообще: См.: Платон, «Тимей»; Аристотель, «Метафизика» (особенно книга VII, глава VIII). Поэтому и заказ соответствующей степени трансгрессии поступить не мог – ни «царский приказ», ни конвенция «социального заказа», о котором упоминает Библия («И сказали они: построим себе город и башню высоту до небес...»). Нам остается или принять версию внешнего влияния, подвигшего на экстремальное предприятие («соблазн темных сил» – об этом, собственно, и вещает притча в своей моральной составляющей), или версию гениальной пророческой интерпретации возможной логики развития какого-то рядового, в сущности, события; ведь обрушения построек происходили нередко.

Но башня может создать и безместность (placelessness). Несомненно: последнее есть недавнее и довольно извращенное умение, но оно существует, и на него есть спрос. Башне и архитекторам ее надо очень постараться, чтобы организовать вокруг себя пустыню: ведь приходится идти против гениальной природы Башни, подвиг возведения которой всякий раз сопряжен с предельной концентрацией больших ресурсов и сил в малой точке на карте. Начать постройку башни, но не рассчитать средств и не закончить ее – библейская метафора несостоятельности (и это не про Вавилонскую – Лук. 14:28-33). Избежать такой неприятности стремились изо всех сил, не считаясь за жертвами, а потому возведенная башня всегда становилась событием. Событие осуществляется здесь и теперь, а не где-то там и не когда-либо еще: сущее обретает существование сообразно бытию. Со – бытие стягивает времена и пространства на себя, закручивает их вокруг своей оси. Тем и порождается феномен места. Он, феномен места, индивидуален не только по замыслу, но и по праву рождения в муках; он подлинен, поскольку явился осуществлением бытия здесь, в темпоральных границах присутствия (что дарует ему способность и право воспроизводить присутствие в веках); его место не может быть занято ничем иным.

Но когда ресурсы немерены, силы дармовые, контекст уже изначально пустынен, идеи экстерриториальны, а архитектор приглашен из-за океана, то может возникнуть «Бурдж-Халифа». Это значительно большая неприятность, нежели недостроенная башня для ветхого человека. Она не есть со-бытие, поскольку нет бытия, с которым она была бы совместна, которому причастна: ни у ее подошвы, ни окрест, ни вдали, ни на протыкаемом ее иглой небе. Апофеоз безместности – зал в этом дубайском небоскребе, где праздный посетитель может увидеть экранные симуляции размещения «Бурдж-Халифы» в других городах мира, в т. ч. Москве. И никакой из этих многих виртуальных контекстов не снимается, разумеется, в форме башни, как не снимается в ней и ландшафт аравийской пустыни, и вымышленное предметно-пространственное окружение, имитирующее колониальную гармонию, наблюдаемое далеко внизу. Напротив, все на свете теперь – лишь популярный фон для пафосного

жеста – «сообщения», оказывающегося пустым. Тем самым посетитель окончательно посылается в отсутствие, мощно генерируемое этим зданием-рекордсменом. Трудно представить себе большую пошлость в архитектуре. Если Вавилонская башня все же построена, то это «Бурдж-Халифа» – высшая точка падения архитектуры как искусства места и смысла.

Если башня создает не место, но безместность, она и сама рискует вскоре исчезнуть. Спасти такие «шедевры», смогли бы лишь столпники, поселившиеся в их шпильях, но мода на столпничество, кажется, прошла.

Твердыня

Есть еще одна мощная мифологема Башни, которая настолько же очевидна, насколько и скрыта: Твердыня. Речь о Единственной и Великой Башне, о вневременном архетипе, разрешающем в себе все противоречия, прощающем все блуждания; о Супер- или Мегабашне, вбирающей в себя всех страждущих, дарующей спасение и защиту и не нуждающейся в нашем оправдании: роль, которую с треском провалила Вавилонская башня. Не предощущение ли таковой Сверхбашни заставляет человечество тянуть ввысь свои небоскребы? Но дают ли они что-то, кроме тщеты? Даже если оставить за скобками проблему гордыни, мы не освобождаемся в стремлении к рекордам от другого человеческого, очень человеческого комплекса – редукционизма. Последний толкает нас на сведение сложного к простому, к прорывам там, где тонко, к отыгрыванию на слабом, к поиску под фонарем потерянного во мраке. Такова и тяга ввысь, пусть бы ее двигателем была не гордыня, но достоинство, любопытство, и тревожащие образы платонова анамнезиса – воспоминания о Будущем. Нам тесно на Земле; в нас всех живет маленький Циолковский. Быть может оттого, что мы, как и КЭ, не умеем организовать свою жизнь здесь и теперь, не способны войти в просвет бытия? Высоты физикалистской, измеряемой (параметризуемой), высоты небоскребов и полетов достичь ведь несравненно легче, нежели подлинно чаемой духовной выси.

Так что только ли в укрытии дело? Столько ли? Укрыться от разнообразных напастей человеку есть где, хотя типология укрытий и уступает разнообразию напастей.



< Бурдж-Халифа. 2010, Дубай, ОАЭ



< Мемориальная Башня Вангануи. 1925, Новая Зеландия

Сакральный смысл Башни – Спасение, что в духовном смысле поняли только столпники, несмотря на то, что обходились не столько башнями, сколько их малыми подобиями. Вот тут размер точно не важен, можно довольствоваться и «пеньком»⁷.

Что может быть таким Местом для всего человечества? Башня, о которой речь, способная утолить духовную жажду, должна быть Делом, Испытанием, Крестом нашим; она не оставляла бы выбора.

Но, быть может, мы и живем на такой Башне, уходящей слоями веков и поколений в Бездну, в Воды изначальные? Не есть ли она та Твердь, что создана на третий день Творения? И неверна, неточна метафора Платона: мы обитаем не в Пещере, но на Башне, растущей нашими трудами, нашим стремлением ввысь и забвением прошлого, на котором мы стоим. Все созерцаемые нами вещи – тени Идей – появляются не на пещерной стене, но на высокой башенной ограде, предуготованном экране, растущем и усложняющемся вместе с Башней. Это, пожалуй, немного тревожней консервативного платоновского образа, но зато, если мы сможем оторвать взгляд от экрана, сможем поднять – впервые – голову⁸, то увидим не каменный свод – Небо.

Башня не гарантирует вам высот духа, не страхует от глубин упадка. Башня есть вызов. Ее высота открыта нашим ошибкам и достижениям, утратам и обретениям, взлетам и падениям. Общественное служение, несение дозора и сокрытие позора – все можно спокойно доверить башне. Сокровенное и интимное, действительно значимое, в чем мы, по обыкновению слабости нашей, стесняемся признаваться, для башни не тайна: у нее так много тайн, она так много их повидала, что распознает и природу, и масштаб их по первому скрипу входной двери. Если купола и своды равнодушны к нашим тайнам (и лишь упиваются нашими эмоциями по своему поводу), а коробки плоских перекрытий не способны даже и на это; если шалаши, вигвамы и витрувианские хижины сами хотели бы причаститься к чужим тайнам для обречения хоть какой-то весомости, то башни взирают на нас с пониманием, с сочувствием и бескорыстно. Заметив башню издали (а не заметить не удастся), мы непременно приблизимся к ней, подойдем вплотную и вста-

нем пред стеною ее, закинув голову; и к такому башни тоже привыкли. Добровольно избрав самый неудобный для созерцания ракурс, мы невольно имитируем позицию осаждающих. В этом глядении снизу вверх трудно найти что-то медитативное, вроде того, как любим мы подолгу глядеть на огонь. Здесь другое: башни, скорее, возбуждают, их вызов хочется принять, ощутив себя штурмующим. Башни же смотрят на нас и... улыбаются; даже наиболее сумрачные из них не отталкивают, проявляя глубинный материнский инстинкт. Все-таки башни, предположительно, были первым жилищем человека, осознавшего себя; они воспитали нас, они тренировали наше мужество и стойкость – им не чужд подошедший к их подножию. Весь вопрос лишь в том, захочет ли, сможет ли он войти.

Литература

1. Annals of a fortress by Eugene-Emmanuel Viollet-le-Duc. 1876 by j. R. Osgood in Boston [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://openlibrary.org/books/OL23277708M/Annals_of_a_fortress
2. Бодрийяр Ж. Собрлазн. – М.: Ad Marginem, 2000. – 318 с.
3. Харитоновна Г. Столпничество [Электронный ресурс] // Церковное слово. – 2003. – № 24. Режим доступа: <http://pravoslavie.by/page/12320>

References

- Annals of a fortress by Eugene-Emmanuel Viollet-le-Duc. (1876). Boston: j. R. Osgood. Retrieved from: https://openlibrary.org/books/OL23277708M/Annals_of_a_fortress
- Baudrillard, J. (2000). Seduction. Moscow: Ad Marginem.
- Kharitonova, G. (2003), Stolpnichestvo [Stylitism]. Tserkovnoe slovo, 24. Retrieved from: <http://pravoslavie.by/page/12320>



7. Заметим: обелиск – столп, на который не встанешь. Трудно, разумеется, предположить особый «антистолпнический» умысел в острых наверх обелисков Египта и позже, подобный некоторым нынешним антивандальным устройствам. Скорее, верно обратное: «Изначально столпничество являлось противоположностью языческому почитанию гор и холмов. Столпники занимали высоты гор и ущелья, а затем устраивали там столпы, напоминавшие собой языческие священные ограды и жертвенники, чтобы ниспровергнуть культ идолопоклонства и заменить его христианским богопочтением» [3]

8. Вспомним же: Платон и не предлагал нам поднять голову, он говорил о ее повороте – для обнаружения существ с идеями у нас за спиной [Государство, книга VII]

< Маяк La Jument. 1910, Франция